

ДВА ДЕБЮТА

АЛЕКСАНДРА

БОГАТЫРЕВА

Образование артист получили в хореографических училищах Таллина и Москвы. Есть у него и награды — бронзовая медаль, завоеванная на Московском международном конкурсе. Премия имени Нижинского, привезенная из Парижа. Возраст, предназначенный для творческих побед, — двадцать один год. Сами подробности биографии артиста Большого театра Александра Богатырева заставляли ждать его дебютов с повышенным интересом. И — с повышенной требовательностью, соответственно данным и возможностям молодого танцовщика.

Данные — выигранные. Хороший рост. Внешность благородная и не рядовая. Мягкая, спокойная манера. И, разумеется, эластичный шаг, легкий прыжок, четкая скоординированность — комплекс профессиональных свойств, необходимых будущему премьеру. Богатырев может вырасти в премьеры. Свидетельство тому — недавние выступления в «Бахчисарайском фонтане» и «Лебедином озере».

Случайна или осознанна подобная последовательность, но исполнителем несомненно оказалось полезным появиться сначала в партии Вацлава. Роль, замкнутая пределами первого действия. Роль, в отличие от других центральных персонажей, не существующая в пушкинской поэме и «нафантазированной» постановщиком Р. Захаровым, совсем не так проста, как может показаться на первый взгляд.

Мы знаем немало лирических прочтений данной роли. Помним замечательный портрет героя мужественного и пылкого, созданный Михаилом Лавровским. И, естественно, зная различные трактовки, каждый дебют рассматриваешь с позиций того нового, самобытного, что вносит дебютант в давно знакомую роль.

Богатырев, пожалуй, ближе к чисто лирической интерпретации характера. Однако ему не свойственна безлика «голубизна» балетного кавалера. Лирика его исполнения, если можно так выразиться, конкретна, лиризм, как неотъемлемая примета юности.

Юности исполнителя или юности героя? Подобную грань провести сложно: пока что Богатырев на сцене очень похож на Богатырева «в жизни», и эффект убедительности достигнут явно не за счет мастерства перевоплощения. Как бы там ни было, этот задумчивый Вацлав, влюбленный в свою Марию с нежностью и благоговением первого чувства, вызывает у зрительного зала явное одобрение.

Перед нами — не рыцарь и уж, конечно, не воин. Перед нами мальчик, едва переступивший порог отрочества, — хрупкий, незащищенный,

принимающий решения скорее импульсивно, чем рассудочно. И самая отчаянность, обреченность, с какой бросается он в неравный бой с Гиреем, заканчивает роль не героико-патетической интонацией, но той же светлой и печальной лирической нотой.

Возможно, лирика вообще близка индивидуальности Богатырева. Возможно... Хотя преждевременно в самом начале творческого пути замыкать танцовщика в границы одного амплуа. Практика покажет, что именно ему ближе — какие краски, какие приемы. Сегодня он всячески стремится доказать, что ему близок лирик, мечтатель и фантазер — принц Зигфрид из «Лебединого озера».

Спектакль этот пользуется неизменной любовью зрителей Кремлевского Дворца съездов. Тому есть причины объективные — прекрасные композиции Александра Горского бережно сохранены возобновителем, автором финального акта Асафом Мессерером. Образные, полные смысла контрасты праздничного вальса и торжественного полонеза, сияющей белизны «лебединых» картин и многоцветья характерных танцев доходят до публики мгновенно и вызывают реакцию живую и заинтересованную. С появлением за пультом Дворца съездов нового дирижера Э. Класа музыка зазвучала особенно эмоционально и одухотворенно.

А с появлением Богатырева в главной мужской роли спектакль удивительно помолодел и стал еще притягательней. Сказанное отнюдь не означает, что молодой артист достиг совершенства. Нет, к его работе можно и должно сделать целый ряд серьезных замечаний. Но уже достигнутое Богатыревым заслуживает пристального и благожелательного внимания.

Юноша, отрешенный от происходящего миром своих фантазий — его Зигфрид с первого появления «отключен» от действия: участие Богатырева в шумном празднике по случаю собственного совершеннолетия — внешнее. Ему равно безразличны и милые шалости шута, и резвая грация паде-труа. Он «формально учтив» и аристократичен в шестивии полонеза. Он рассеянно внимает тостам, поздравлениям и комплиментам. Уход на озеро — не результат желания поохотиться. Арбалет в руках — лишь дань предлагаемым обстоятельствам. Его Зигфрид полон затаенным предчувствием, ожиданием чудесного. Отсюда — совершенно особые нюансы, совершенно неожиданные оттенки первой встречи с героиней.

Лебединая картина бесспорно наиболее отделана в данном дебюте. Здесь все обдуманно, завершено и все позволяет верить в

перспективы дальнейшего совершенствования Богатырева. Его герой пребывает в сложном (и четко выраженном) состоянии — счастья свершения, предчувствий и страха перед волшебством озера. Сложность настроения придает всему очарование живой, психологической достоверности. Известное «наизусть» адажио вдруг обретает новые акценты, новые смысловые ракурсы.

Кто не помнит знаменитую позу склонившейся долу Одетты? Руки-крылья никнут печально и певуче. Богатырев осторожно, едва касаясь партнерши, выполняет очередную поддержку. Но мы воспринимаем ее как трепетное прикосновение к заколдованной царице лебедей. Как желание снова заглянуть в человеческие глаза, в человеческое лицо, спрятанное в крыльях.

Настроение завороченности сохраняется на протяжении всей картины. Каждый выход Богатырева — стремление вновь и вновь найти Одетту, убедиться в том, что все здесь — явь, а не сон. В его взглядах, жестах, даже в походке, обретающей особую легкость, — страх потерять внезапно обретенную мечту. Отсюда — и логический переход к балу с его роковыми ошибками и к финальному действию с мольбой о прощении и готовностью принять гибель...

Впрочем, справедливость требует заметить, что второе и третье действия нуждаются в очень серьезной работе. Причем (что совсем неожиданно для столь даровитого танцовщика) предстоит весьма солидная работа по отделке вариаций. Научиться распределять свои физические силы так, чтобы в последней части соло приходил к такому же бодрому, динамичному и точному, как в начальной части, позаботиться о предельной ровности исполнения, избавиться от известной суетливости в па, предшествующих концовке, — таковы задачи первоочередные, ибо в образе Зигфрида данный танцевальный фрагмент очень важен.

Помимо необходимости тщательной отделки вариации, стоило бы обдумать и пробелы, которые пока заметны в сценическом поведении и Вацлава, и Зигфрида. Почему-то «аккомпанирует» Мария, Вацлав — Богатырев на время совершенно выпадает из общего сценического рисунка: мы просто видим танцовщика, который готовится к вариации и с нетерпеливым волнением ждет своей очереди. Когда его очередь наступает, танцует он отлично, но подобное невыразительное, внешне образное поведение минутой раньше — во многом вредит затем успеху вариации. Есть аналогичные, правда, не столь очевидные пустоты и в роли Зигфрида — особенно в картине бала. Одним словом, объем необходимой работы велик. И тут уж все зависит от настойчивости, самокритичности, выдержки самого Богатырева.

Но есть ряд обстоятельств, абсолютно не зависящих от дебютанта. И главное из них — широта репертуара. Начиная танцовщик может работать с пользой для себя и для театра, лишь располагая множеством спектаклей — хороших и разных — от жемчужин русской и мировой классики до произведений различных советских хореографов. Только тогда можно рассчитывать на интересное продолжение двух дебютов Александра Богатырева.

Е. ЛУЦКАЯ.